

В.В.БРЫСКИН
**ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА
НА РЕКЕ БОЛЬШОЙ ЯЛОМАН**

Новосибирск
1997

Стоит только пожилому человеку оказаться наедине с собой, да ещё в стороне от источников разнообразного внешнего шума, как сразу в его голове появляется нудный серый шорох неизвестного происхождения. Можно подумать, что источником его служит какая-то неведомая и опасная машина, готовая раздавить уставшего от жизни обладателя испорченной головы или причинить ему другой непонятный вред. Но тон внутренних шумов не меняется, и невольному слушателю остаётся только гадать, когда источник тревожных сигналов приступит к реализации своих намерений.

Если обратиться к врачам или другим, непрофессиональным, знатокам человеческого устройства, то вам сразу сообщат массу сведений относительно склероза, сужения сосудов и прочих неприятных подробностей старения, которые, как говорится, в гробу бы вы не видели. Потом заставят купить пилюли, обязательно иноземного происхождения, которые должны чуть ли не

мгновенно устранить обнаруженный дефект. Но указанный на упаковке срок проходит, а поселившаяся в голове подлая машина всё продолжает зудить, отвлекая человека от спокойного продолжения земных дел.

Когда такая история случилась со мной, и были пройдены упомянутые медицинско-образовательные фазы борьбы с неприятным явлением, я начал придумывать собственные способы избавления от всё более раздражающего внутреннего шума. И хотя найденные при этом решения недалеко ушли от рецепта применения топора в качестве средства от головной боли, осмелюсь рассказать о них наиболее терпеливым читателям.

На тот случай, что среди них попадутся незнакомые мне люди, наверное, имеет смысл кратко описать жизненную историю автора: это поможет нам проще понять смысл последующего изложения. Лучшие семнадцать лет позднего детства, юности и

молодости я провёл в морском училище и на подводном Флоте. Никаких особенных подвигов при этом совершить мне не довелось: служба проходила на Дальнем Востоке, в стороне от мест, где героические события в то время (сразу после смерти Сталина) случались или могли случиться. Действительно, нельзя же считать подвигом то, что при моём участии или под командой никто из моряков не погиб и не покалечился, подводные лодки благополучно всплывали после каждого погружения, а видимые материальные потери страны свелись к одной практической торпеде образца 39 года.

Не успел я толком осмыслить итоги своей негероической службы, как наполовину анекдотическое стечение обстоятельств привело к радикальной перемене всей моей жизни: я попал в Сибирское отделение Академии наук и, по существу, стал почти «с нуля» осваивать ремесло научного сотрудника.

Поскольку предыдущие 32 года в этом деле оказались во многом упущенными, ко-

нечный результат исследовательской деятельности примерно повторил результаты несостоявшихся воинских подвигов. Здоровый человек при таком «дубле» уж точно сделал бы соответствующие самокритичные выводы и на второй половине седьмого десятка лет ограничил свои занятия рыбной ловлей или иными подобными общепринятыми и не задевающими других людей упражнениями.

Меня же чёрт попутал заняться разбирательством очевидно посредственных жизненных итогов с помощью сочинения воспоминаний. Бог троицу любит, поэтому здесь не стоит тратить лишних слов по поводу качества очередной моей продукции. Наверное, сигналом об этом качестве и пришёл ко мне шорох или шум, о котором я написал в начале рассказа.

Что может придумать человек с описанным жизненным опытом в качестве средства борьбы со сложным медицинским явлением?

Правильно: примитивно заглушить его доступными внешними источниками шума. В тихом Академгородке сделать это можно, пожалуй, только поселившись на базаре или купив портативный кассетный проигрыватель. Базар и так появился буквально под окнами нашего дома, а музыку я всё-таки люблю слушать изредка и не слишком современного происхождения. Так что эти два предложения никак нельзя отнести к числу удачных.

Что там у меня осталось? Автомобильчик. Но ведь не станешь гонять его мотор просто так в гараже. Куда логичнее отправиться в какое-нибудь путешествие, чтобы, в дополнение к дорожному шуму, использовать вид набегающих красот планеты в качестве лечебного средства. Технологию таких занятий я продолжаю осваивать уже больше трети века, так что решение уехать от всех бед в дальние края никак нельзя отнести к числу оригинальных.

С распадом огромного государства выбор маршрутов развлекательных автомобильных путешествий для жителей Новосибирска оказался весьма ограниченным: или вышаритесь по близлежащим лесостепным «околкам» в поисках грибов, или отправляетесь в местную «Швейцарию» – Горный Алтай. Изобилия грибов у нас второй год не наблюдается, так что выбор любимого Чуйского тракта в качестве места оздоровительных мероприятий не вызвал особых трудностей. Тем более что редкий год нашей сибирской жизни не включал такой поездки: отведённая на неё неделя давно стала для меня заменителем религиозного паломничества или хаджа, без которых трудно себе представить жизнь правоверного человека.

Но праздновать в одиночку или только в обществе собственной жены способны лишь мизантропы. Так уж сложилось, что большинство наших автомобильных путешествий совершается в компании с другими, не

обязательно однотипными, машинами. На отсутствие друзей и приятелей мне везде грех было жаловаться. Более того, среди них всегда находятся особо терпеливые люди, которые, зная нудноватый характер своего знакомого (то есть меня), рискуют отправляться с ним в дальний путь, да ещё и не один раз. Во время неспешных бесед под морозным сибирским небом на вечерних прогулках сформировалась такая команда и на этот год. Но прежде чем приступить к подробному её описанию, поделюсь с читателем некоторыми наблюдениями за своими знакомыми, которым выпало несчастье стать персонажами упомянутых мемуарных творений. Подавляющему их числу не нравятся прямые указания в тексте фамилий, имён и отчеств, а также прочих биографических подробностей, способствующих однозначному установлению личности. Меня это, конечно, огорчает. «Черти полосатые», — думаю я, — «небось, помяни вас Л.Н.Толстой, не стали бы кочевряжиться».

Но разницу между собой и великими мира сего я давно осознал, и теперь приходится просто приспособливаться к особенностям человеческой породы, тем более, что нынешний рассказ о рядовой автомобильной поездке — не весть какое принципиальное мероприятие.

Итак, назовём моих приятелей Профессором (П.) и Директором (Д.) и не станем упоминать их полных наименований. Вообще-то говоря, Д. тоже состоит профессором, доктором и так далее, но если мы станем при каждом обращении к нему обозначать и эти титулы, читатель уж точно запутается. Так ведь можно дойти и до того факта, что сам автор (А.) является негласным гаражным «профессором». Сокращённые однобуквенные обозначения персонажей предлагается использовать для экономии места на бумаге и других полиграфических ресурсов данного произведения. Вдобавок, А. при этом явно выигрывает, так как вместо нахальной буквы «Я» с выпяченной

грудью и выставленной вперёд ногой спокойно может через раз проставлять в тексте скромную первую букву алфавита (борьба с избытком личных местоимений в мемуарной писанине — нелёгкое дело).

Наверное, кроме явных достоинств принятого отступления от рафинированных грамматических правил, следует упомянуть и недостатки. Читатель вполне может запутаться с какой точки зрения и в какой момент идёт повествование, да и согласования частей речи не всегда удаётся выдержать при использовании условных обозначений персонажей. Единственное, что можно сказать в оправдание, — примерно такой же беспорядок царит и в голове А., так что вряд ли стоит ожидать от него более связного рассказа...

Кроме перечисленных А., П. и Д., в поездке, естественно, участвовали их жёны. Всем нашим героям за пятьдесят (некоторым, — далеко за пятьдесят), и поэтому отрыв от качественной еды и ласки даже на

неделю для них неприемлем. Однако за упомянутые 17 лет счастливой казарменной жизни А. непоправимо пропустил какие-то главные возможности изучения лучшей половины человечества и поэтому не рискует пускаться в подробные описания женщин, да ещё трёх сразу, включая собственную жену. Лучше оставить их в качестве естественной и приятной составляющей окружающего мира. Помните, как у Даниеля Харриса, — *«матушка Мидоус с дочками»*. И всё.

Зато автомобили — любимые игрушки А. — мы подвергнем более подробному рассмотрению. Сам А. с женой восседает на не-solidной и не соответствующей его росту «Оке» зелёного цвета. Полукустарный автомобильчик ещё не успел состариться и пострадать в столкновениях с большими братьями. Задние сидения и перегородки у него выброшены, что позволяет двум пассажирам (в том числе, — и долговязому А.) как-то устроиваться в нём на ночлег.

Вторым номером в кортеже следует выдавшая лучшие времена «Палома» — «ВАЗ-2113» голубого цвета с хорошо видимыми ржавыми дырами на крыльях: машине этой давно идёт второй десяток лет. Хозяин старушки — П. — спокойно и философски относится к второстепенным недостаткам своего экипажа и даже терпит нечеловеческий рёв в районе заднего моста, когда скорость движения переваливает за 60 км/час. Как к этому рёву относится жена П., мне неизвестно.

Замыкает строй элегантный серый «европеец» — «Фольксваген-Джетта», принадлежащий Д. Производство немецкой автомобильной промышленности тоже переживает период не первой молодости. В России оно путешествует с развлекательными целями впервые и, наверное, не без интереса наблюдает всю возню, которая сопровождает подготовку и саму поездку. У него тоже сняли задние сидения («Ведь есть же мотели?» — удивлённо сказал при этом «Ганс» на своём неслышном автомобильном языке). Под сидениями обнаружились детские

швейцарские часы, монеты суммарным достоинством 7 бельгийских франков и другие любопытные предметы. Они стали добычей А., который выполняет в поездке и до неё обязанности нештатного механика (вспомним о его негласном титуле). Обезображенный таким образом немецкий «конь» оказался уравненным со своими российскими собратьями и начал привыкать к предстоящим общим испытаниям.

Все три машины были почти «под завязку» загружены перинами, одеялами, запасами еды, бензина и воды, нужной и ненужной одеждой и прочими неременными атрибутами наших выездов на природу без расчёта на внешнее обслуживание.

В последней декаде июля настал согласованный день отъезда. Не слишком ранним солнечным утром три наши машины выехали на Бердское шоссе и направились на юг. Описывать движение в сторону Барнаула по переполненной транспортом дороге со скверным покрытием не имеет никакого

смысла: такое безобразие любой может понаблюдать в другой достаточно населённой части нашего Отечества. В двадцати километрах от Барнаула дорога на Бийск поворачивает влево, машин на ней стало меньше.

В положенное время кавалькада съехала на пару сотен метров с дороги, и путешественники первый раз пообедали на свежем воздухе. Мероприятия такого рода сразу переводят людей из нормального состояния обитателей городских квартир в некоторое подобие первооткрывателей американского Запада. Понятно, что никаких нападений индейцев в Сибири не бывает, и перемазались мы все в меру, приспособления для разогрева и употребления пищи, а также последующего умывания давно нами освоены и работали исправно.

Следующим событием поездки было «культурное» мероприятие. Не доезжая шестидесяти километров до Бийска, почти на самой дороге расположено большое

степное село Полковниково. Плакат на повороте к нему вот уже тридцать с лишним лет призывает нас посетить музей космонавта Титова. Так уж получилось, что поездки на Алтай однозначно связываются у А. с посещением Шукшинских Сросток, а другие, официально признанные, герои нашего времени оставались как бы в тени душевно одарённого сверстника. Но в этом году вместе с опасениями больше не попасть в дальние страны в голову А. запала мысль обязательно посетить родину Космонавта-2. Были при этом и другие замыслы, но о них будет рассказано позднее.

Когда А. неосторожно поделился этими планами с одним из своих учёных приятелей, то в ответ было сказано, что забраться «в ракету» и преодолеть земное притяжение может любой человек, а шум вокруг космонавтов был обычной коммунистической пропагандой, которая глупо выглядит в наше время.

Как это почти всегда бывает, доводы такого рода оппонентов вызывают в упрямом А. в точности противоположную их смыслу реакцию. И на собственном опыте ему известно как непросто много лет готовиться, а потом «залезть» в какое-то металлическое устройство. Наша космическая эпопея включает для него и массу буквально личных воспоминаний: Юра Гагарин, победно размахивающий развязанными шнурками ботинок на парадном ковре, его обгорелый снаружи махонький «шар» на ВДНХ, дом в Гжатске, Звёздный городок и могила возле Киржача. И фотографии в очерках Ярослава Голованова, где рядом с космическими «счастливыми» весельчак и умница Нелюбин, кончивший свою жизнь на дальневосточных рельсах. Совсем как среди товарищей А. из числа подводников...

Означенные на дорожном плакате триста метров до музея оказались выложенными кривыми бетонными блоками с порядочными ямами через каждые полметра или метр. Маленькая «Ока» подпрыгивала на этих

ямах, лязгая всеми частями и грозя развалиться на составляющие. Наверное, нечто подобное происходило и с двумя бóльшими автомобилями. Как водится в сибирских сёлах, никакого порядка в расположении домов не наблюдалось, но местные жители скоро указали нам двухэтажную избу, стоящую на отшибе, в огороде возле неё блестел серебристый самолёт, это и был музей космонавта.

Возле музея стояла легковая машина с немецкими номерами, и А. приготовился было к осмотру экспозиции в компании с иностранцами. Однако вход в музей оказался закрытым, но закрытым как-то не очень, скорее понарошку. После нескольких постукиваний дверь изнутри освободили от хлипкого запора, и на свет Божий вышла несколько раскрасневшаяся женщина, которую в другом месте вполне можно было отнести к любой другой категории сельских жителей. Она откровенно призналась, что сотрудницы музея принимали бывшую землячку, приехавшую на побывку из ФРГ, на

алтайской земле живёт немало наших немцев. В последнее время многие из них уезжают в Германию. Там обнаруживается, что они оказываются «русские», и часто новоявленные европейцы наезжают на своих подержанных автомобилях в наши неблизкие от западной границы места.

Пока мы осмысливали сложившуюся ситуацию, смотрительница музея оправилась от смущения, проводила своих гостей, приняла с извинениями положенную плату и принялась за привычные объяснения. Как это обычно бывает с заведениями такого рода в сельской местности, музей Г.С.Титова располагается в бывшей школе, а ребятишкам, наверное, под героический шум отстроили новое помещение. Экспозиция, посвящённая самому космонавту, находится на втором этаже, поближе к небу. Для большей убедительности комнаты здесь обшиты фанерой с закруглениями углов и снабжены витражами на «космический

лад», как он представлялся три десятка лет тому назад.

Экспонаты были обычные: школьные свидетельства и грамоты, предметы одежды, детали реальных ракет и их макеты. Лекторша рассказала обо всём этом, пояснила нашим женщинам, что фанерный макет ракеты мал и не годится для полёта в космос, и мы спустились вниз, где оборудована комната в память об отце космонавта. Для более молодых читателей, которые не знакомы с подробными жизнеописаниями первых покорителей Космоса, напомним, что Степан Павлович Титов окончил три курса консерватории, почему-то не смог завершить музыкальное образование, а потом всю жизнь работал учителем на далёком алтайском краю России. Земляки его помнят и почитают не меньше самого космического героя.

Потом мы всей компанией сфотографировались у самолёта. Приближаясь к чуду техники, смотрительница тяжело вздохнула,

вспомнив, каких трудов стоило доставить этот предмет из Барнаула в огород. Только Д. не участвовал в посещении музея: в своё время он был подчинённым Титова и знался со многими космонавтами, включая первооткрывателя Луны Армстронга.

В конце экскурсии я поинтересовался у музейной работницы, отмечена ли каким-то образом в Полковниково память о любимой моей актрисе Кате Савиновой (помните фильм «Приходите завтра?»); в кинематографическом словаре утверждалось, что она родом из Полковниково. Но сведения эти оказались не соответствующими действительности: моя «Шукшин в юбке» родилась в селе Косиха. Мы ещё раз поблагодарили славную женщину за разностороннюю информацию и распрощались с ней.

Во время дикой тряски на обратном выезде все перечисленные выше краеведческие сведения плотно «залегли» на дне души вместе с другими воспоминаниями подобного рода. Надеюсь — навсегда.

А что до разного рода несовершенств наших «культурных» заведений, они меня не смущают: какая страна, такие и музеи...

На мой взгляд, замечательная особенность природы Алтая состоит в существовании достаточно резкой границы между степной и горной его частями. Стоит проехать Бийск, который расположен у места слияния Бии и Катунь, как что-то вокруг неуловимо меняется: вы попали совсем в иной мир по сравнению с западносибирской низменностью. Так уж получается, что при поездках из Новосибирска происходит это в конце первого дня путешествия, и поэтому невольно всех тянет сделать привал и осмотреться в новых обстоятельствах. Перед Сростками у нас как раз есть такое место со съездом к реке и видом на гору Пикет. Свернули мы на него и на сей раз.

Катунь здесь уже кончает свой бег с гор. Ширина её достигает сотни метров, но вода несётся скоро и бурлит возле каждого препятствия.

Несмотря на летнее время, температура её бодрящая, а лёсс, принесённый с гор, так и не успевает выпасть в осадок.

Путешественники наши начинают возню с приготовлением ужина, разжиганием костра и прочими походными удовольствиями. Но шум реки стоит над всеми этими событиями, обозначая вечный ход Времени и независимость его от суеты людей. Недалеко от нашей стоянки подъезжают к реке и машины с местными жителями, но друг другу мешать здесь не принято, так что о существовании Большого Мира напоминает только редкий рёв мощных грузовиков на Чуйском тракте, особенно далеко от него отъехать почти никогда не удаётся.

Во время ужина и после него начинаются разговоры. На сей раз комаров, в изобилии обитающих на заливных болотцах, отгоняет ветерок, и они не сильно досаждают городским жителям. Тем более, что П. специально для них зажёл диковинную заморскую спираль-окуриватель.

Проделанный героический путь в три с половиной сотни километров инстинктивно активизирует воспоминания собеседников о прошлых путешествиях.

П. и Д. успели побывать на всех континентах (кроме, разве, пятого и шестого), женщины и А. с удовольствием слушают их рассказы. Содержание большинства этих повествований А. знает по опыту вечерних прогулок в Академгородке, но память его слабеет, и каждый повтор «ложится» в неё, как на пуховую перину. Причём А. одновременно успевает вообразить себе и европейские автобаны, где мчатся в шикарных лимузинах его нынешние попутчики, и увиденные днём жалкие экспонаты «космического» музея, и никогда не уходящие из памяти эпизоды подводной службы, которая занимала «всего» десять лет и закончилась давным-давно...

Неутомимый Д., который без заседаний, кабинета, телефонов, вышестоящего начальства и подчинённых не может

израсходовать свою энергию, притаскивает горы сушняка, разжигается костёр, и собеседники перемещаются поближе к весёлому пламени. Одновременно с этим моется и убирается посуда и походная мебель, внутренности автомобилей переводятся в «спальное» состояние, путешественники смывают с себя и машин остатки дорожной пыли, все или почти все постоянно находятся в каком-то движении.

Буйная энергия огня, на глазах собравшихся у костра зазря улетающая в небо, вызывает у некоторых из них рационализаторские предложения. Объектом их оказывается сковорода с высокими бортами, специально взятая в дорогу из расчёта большого числа едоков. Чтобы не очищать её от остатков пищи, изделие помещают в огонь для полного их выгорания. Но когда Д. с видом циркового фокусника-иллюзиониста пытается обнаружить в раскалённом пепле довольно-таки крупную посудину, палка его беспрепятственно проваливается, вызывая каскады беспричинного смеха взрослых

людей. Хохочет даже хозяйка сковороды вперемежку с выражением явной досады и упоминаниями о былых подвигах пропавшего предмета на ниве приготовления пищи.

Наконец становится совсем темно, избыток кислорода и впечатлений делает своё дело. Костёр заливают водой, и, не сговариваясь, народ устраивается на отдых в своих экипажах.

Как всегда, в первую ночь жена А., которая руководит всеми бытовыми делами, неудачно раскладывает то, что в этих условиях называется постелями. Разнообразные предметы и части сидений жёстко «прикладываются» к бокам костлявого А., отвлекая его от продолжения просмотра уже помянутой бесконечной ленты прошлых событий. Внутри автомобиля целебные внешние шумы заглушаются, остаются только всполохи фар редких машин, которые двигаются по тракту. Потом и они становятся всё реже и реже.

В своём воображаемом «кино» А. забывает, какую команду подчинённым подводникам ему нужно подавать в очередной раз, и проваливается в объятия прекрасного «мёртвого» дорожного сна...

Утро следующего дня выдалось солнечным, и светило наше начинает постепенно выгонять путешественников из их жестяных мест обитания. Опять начинается всеобщее движение людей при умывании, приготовлении завтрака и неспешной подготовке автомобилей к продолжению поездки. Водители при этом ведут себя в точности на манер ямщиков: они беспричинно похлопывают своих «коней», забывая, что металлические создания лишены души. Впрочем, очень может быть, что я и не прав в этом утверждении.

Из земли под бывшим костром извлекается то, что вчера было сковородой, — загадочного вида отливка дрянного алюминиевого сплава, из которого у нас

изготавливают предметы «ширпотреба». Народ опять предаётся беспричинному смеху, и смех этот «соединяет» новый день со вчерашним, как и положено во время длительных праздников.

В Сростках, которые находятся в десятке километров от первой стоянки, А. уже не решается тащить своих спутников в музей Шукшина и к дому его матери. Все эти объекты он знает до тонкостей, и совершает свой внутренний обряд поклонения святыням, не беспокоя лишний раз окружающих. Тем не менее, ощущение, что при этом совершается грех или предательство, не оставляет его, что переводит тональность внутренних размышлений в явно отрицательную область. В дополнение к этому, не очень выдержанному и воспитанному А. внешне следует притворяться, что ничего плохого не произошло, делает он такие дела весьма неумело.

Двигаться по Чуйскому тракту с большой скоростью просто неразумно: открывающиеся за каждым поворотом виды один краше другого. А водителю вдобавок нужно смотреть в оба на дорогу: огромные джипы, «Мерседесы» и «Тойоты» новых русских несутся здесь так же шустро, как и в других местах. Наши машины неспешно следуют на юг, а их экипажи наслаждаются появляющимися друг за другом разнообразными красотами.

На границе новоявленной Алтайской империи или республики кортеж останавливают и требуют уплатить оброк, почему-то в виде некруглой суммы 8300 рублей за каждую голову. Пока А. кряхтя объясняет это трагическое обстоятельство своему министру финансов — жене, парень с полосатой палкой обращает внимание на седую бородку П., который недавно перевалил за полувековой рубеж. «Пенсионеры?» — спрашивает он. Получив утвердительный ответ (честно относящийся только к А. и его жене), машины наши пропускают без внесения

подозрительных поборов в местный бюджет. Как всегда при получении «халявы», А. веселеет и начинает составлять очередные теоретические обобщения по поводу того, как великий и добрый народ самостоятельно исправляет любые безобразия так называемой «системы».

Тем временем экспедиция прибывает в Майму — шумный торговый посёлок на повороте дороги к столице новоявленного царства — Горно-Алтайску. Делать в этой столице путешественникам нечего, и поэтому отвыкшие за предыдущий день от цивилизации новосибирцы начинают исследование огромного торжища, которое располагается возле развилки. К продаваемым здесь испокон века дарам алтайской земли ныне прибавились все воображаемые съедобные и несъедобные продукты западной цивилизации. Чтобы описать получившийся при этом чудовищный конгломерат предметов и людей, требуется бригада этнографов.

Но все мы привыкли к таким чудесам новой эпохи и спокойно пользуемся её

благами. Д., например, покупает очередную порцию дешёвых гвоздей для своей дачи. Женщины наши приобретают дополнительные припасы, а также огромную блестящую сковороду, которая, уж точно, застрахована от казни в костре.

Следующую остановку экспедиция сделала напротив висячего моста через Катунь, дорога по которому ведёт к местному чуду — озеру Ая. Образовалось оно после доисторического землетрясения и уровень воды в нём на 27 метров выше, чем в Катунь. Состав этой воды тоже необычен, поэтому озеро сохраняет первозданную чистоту и хорошо прогревается. В таком месте сам Бог велел устраивать оздоровительные заведения, что и сделала секретная ракетная фирма из Бийска.

Вход на обширную территорию санатория не огорожен (кроме двух больших корпусов там есть много отдельных домиков), и поэтому обычные люди без путёвок

могут достаточно свободно попасть к прекрасному водоёму. В давние времена, когда автомобилей в стране было поменьше, берега Катунь возле необычного моста почти всегда были заполнены «дикарями» со всех концов Сибири. Потом наступил период тотальных запретов на все эти вольности. Кроме несметного количества «кирпичей» и грозных плакатов, расставленных где нужно и не нужно, тракторами прорыли канавы, чтобы исключить проезд легковых машин к удобным стоянкам. Туристских отбросов от всего этого не убавилось: народ наш передвигается не только на «Жигулях» и умеет преодолевать любые преграды, которые воздвигает родное государство.

А ныне в былом тихом месте наблюдается бурный расцвет современной цивилизации. На повороте к мосту с Чуйского тракта на правом берегу Катунь возник целый городок с большим милицейским постом, палатками и кафе, одно из которых размещено в балаганной юрте и предлагает посетителям

даже поездки на добела выгоревшем верблюде. Копеечная давняя плата за проезд моста обросла многими нулями, платной стала и стоянка у реки за вполне современным жёлтым плакатом «Империя туризма». Во всём этом размахе предпринимательства апофеозом выступает киоск с западным мороженым на бывшем «диком» левом берегу Катуня. Местные ребята на лошадях (это тоже был прокат) покупали лакомство, не слезая со своих ничему не удивляющихся скакунов.

Погода начала портиться, поэтому большая часть женщин не захотела купаться и осталась в машинах на правом берегу. А самые стойкие поклонники алтайских красот перешли реку по шатающемуся скрипящему мосту и начали карабкаться в гору к санаторию. Вообще-то говоря слово «карабкаться» страдающий одышкой А. использует несправедливо: на проходе к желанному озеру устроен вполне приличный металлический трап с поручнями.

В этом году купальня оказалась тоже увешанной грозными предупреждениями об уплате «инородцами» двух тысяч рублей за доступ к озеру. Но никаких других признаков собирания этих поборов не наблюдалось, и в тёплую воду озера мы попали беспрепятственно.

После омовения в святой айской воде, А. окончательно освободился от мыслей о грехопадении в Сростках. Тем более, что актуальной становилась проблема противодействия другой воде, поступающей в некоторых количествах с неба. Алтайские горы, хоть и невысоки, но постоянно норовят зацепить проходящие облака и выпотрошить их содержимое на своих жителей и проезжих. По многолетним наблюдениям известно, что половину или треть времени поездки по Чуйскому тракту придётся проводить под дождём разной интенсивности: от нудной мороси до ураганных ливней.

Поскольку мы уже второй день двигались посуху, появление осадков никак нельзя было отнести к числу неожиданных

явлений. Но так уж устроен человек: рациональное знание у него всегда будет не в ладах с эмоциями, и все путешественники немного погрустнели от перспективы мокрого существования. Мы поспешно оделись и отправились через мост к машинам. Наверное, кто-то из небесных начальников сжалился над нами, так как капли дождя не торопились превратиться в сплошные потоки. Все «пловцы» благополучно добрались до автомобилей, и наша компания двинулась дальше по тракту.

До оговоренной заранее следующей остановки сразу за памятником В.Шишкову на повороте реки оставалось всего несколько километров. Не знаю, как другим людям, а мне даже сами названия поселений на тракте: Суртайка, Монжерок, Долина Свободы и так далее, сами по себе поднимают настроение, несмотря ни на какую погоду.

Запланированное место стоянки на высоком косогоре правого берега Катунь известно множеству туристов, выходные ещё не

начались, а машин здесь было уже многовато. Их владельцы дружелюбно отнеслись к пополнению, а один из них сразу чуть было не полез целоваться к П., одновременно спрашивая у него какой-то нестандартный гаечный ключ. Слишком вольное панибратство «старожилов» не очень понравилось нашему сообществу, и мы сместились немного вверх по течению реки подальше от весёлых соседей. Берег реки от тракта здесь отделяет полоса лиственного леса шириной сотню или две сотни метров, так что шумы проезжающих автомобилей в этом месте почти не слышны на фоне постоянного рокота реки.

Разбивку лагеря и приготовление обеда и ужина под дождём вряд ли можно отнести к числу особо приятных развлечений. Но мы занимались этим делом без особого уныния, хотя вид городских жителей с зонтиками и плащами во время не слишком интеллигентных туристских занятий по своему контрасту с дивной природой очень напоминал

тональностью известные иллюстрации к «Робинзону Крузо», на которых предприимчивый отшельник двигается по необитаемому острову во всём богатстве своего самодельного снаряжения.

Д. и здесь проявил чудеса изобретательности, соорудив над обеденными столами навес. Когда вода на нём скапливалась в достаточном количестве, её потоки безобразничали с людьми и тарелками, но всё это только вызывало дополнительные приступы веселья у путешественников.

И, чтобы мы не задавались особо своими дорожными подвигами, мимо по реке сплавляются на диковинном надувном плоту-катамаране ребяташки в ярких оранжевых жилетах. Окружающая и падающая сверху вода им нипочём, и до нас доносятся весёлые звуки с плота. Почти все находящиеся на суше не могут удержаться при виде «мореходов» от приветственных воплей, что ещё раз подтверждает единство и братство всего бродячего человечества.

На противоположном от нас левом берегу Катуня расположены довольно-таки высокие скалистые горы, поросшие лесом. Было хорошо видно, как они «отрывают» от основной массы похожие на вату куски облаков. Причём масштаб всех этих природных объектов упрямо не воспринимается сознанием: деревья, например, выглядят не больше близкорасположенной травы.

Не знаю, как другим людям, а на меня громада гор, бескрайний простор степей или пустыни всегда оказывают особое влияние и порождают какой-то необыденный настрой мыслей. Даже под моросящим дождём.

Не без помощи бензина разжигается вечерний костёр. В перерывах между ленивыми приступами дождя он помогает путешественникам малость обсушиться, и П. даже достаёт гитару. Слова исполняемых соло и хором песен по большей части незнакомы А.: в сороковые и пятидесятые годы вместо пикников он вышагивал на парадах, а в шестидесятые, — уже «перепрыгнул» тот

возраст, когда человек естественно выражает себя в музыкальных звуках.

Этот невесёлый феномен теоретически уже обсуждался с умницей П. на зимних семинарах, и теперь наш гитарист всё больше обращается в репертуаре к Есенину и классическим романсам. Вот и в этот раз А. слышит собственные отвратительные звуки с вечными словами «Гори, гори, моя звезда» и расстраивается больше прежнего. Правда, никто и не ждёт от него подвигов Карузо, в маленьком сообществе находятся более одарённые слухом и голосом люди, и прекрасные вечерние посиделки продолжаются до полного расхода репертуара, светлого времени и топлива для костра. Когда он окончательно гаснет, на косе противоположного берега эстафету принимает костёр одинокого рыбака, пытающегося что-то выловить из стремнины.

Постели в «Оке» на второй день оказываются приготовленными с большим искусством, и под дополнительный шум дождя А.

удаётся заснуть без лишнего перебора в памяти прошедших за день и более давних событий.

Наутро солнышко восходит как ни в чём ни бывало и принимается исправлять урон, нанесённый вчерашним дождём. Белые стволы берёз, волшебным образом освещаемые почти горизонтальными лучами солнца, сразу возвращают путешественникам хорошее настроение. Все они уже не похожи на закутанных чёрт-те во что Робинзонов и возвращаются к обычному виду современных городских туристов. Поездка на сегодня им предстоит несколько большей сложности, чем обычно: нужно преодолеть хоть и невысокие перевалы Чуйского тракта.

В Усть-Сёме Катунь поворачивает налево, мы прощаемся с ней на мосту (в построении текста звучат вчерашние романсы) и продолжаем движение по менее людной местности. Обычные туристы, выезжающие на отдых в выходные, в эти места уже не

добираются. Дорога и без частых посёлков остаётся очень живописной, и мы незаметно приближаемся к подъёму на первый (Семи-
нский) перевал. Подъём этот представляет собой не очень извилистый «тягунок» дли-
ной в несколько километров. Даже «Ока»
спокойно преодолевает его на второй пере-
даче. С учётом зимнего гололёда, покрытие
здесь оставлено щебенчатым, но после вче-
рашнего дождя встречные машины не под-
нимают лишней пыли. А обгоняющих на
подъёме просто нет.

На стоянке у памятного знака дружбы
русского и алтайского народов, который
обозначает верхнюю точку перевала, А. не
без гордости за свой маломощный экипаж
наблюдает как на подъехавшем вслед ши-
карном «Вольво» вскипает жидкость в ра-
диаторе. Наверное, хозяева шведского чуда
не имеют представления о его устройстве и
существовании датчиков температуры в
системе охлаждения. Но давать советы не-
знакомым людям, как он бы это сделал пять
или десять лет тому назад, А. не спешит: уж

слишком разодеты и молоды хозяева бле-
стящего лимузина.

На макушке перевала заметно холоднее,
чем в низине, спутники опять напяливают
на себя тёплую одежду. В этом году почти
все «снежники» не сбросили на лето свои
мантии и великолепно смотрятся в этом
одеянии. После осмотра базы горнолыжного
спорта, кавалькада наша начинает спуск. Он
куда более живописен, чем подъём: дорога
извивается на поворотах («тёщиных язы-
ках»), наводя у А. и его жены воспоминания
о незабвенной трассе Фрунзе – Ош. Но где
теперь бывший Фрунзе и совсем недоступ-
ный Ош.

Довольно скоро после спуска с перевала
экспедиция устраивается на очередную сто-
янку, съехав на полкилометра с дороги к не-
большой речке. За ней видны развалины ко-
ровников и одинокий человек, занятый заго-
товками сена. Наиболее активные путеше-
ственники поднимаются в гору для осмотра
всех этих и других природных достоприме-
чательностей.

С высоты огромный безмолвный пейзаж кажется ещё более величественным. Кроме облаков в нём почти ничего не движется. Искажение размеров на просторе открывающейся взору природы таково, что мы принимаем косую, которую вдалеке гонят обитающие у коровника собаки, за лису, на обратном пути невозмутимый алтаец объясняет нашу ошибку.

Днём это не особенно заметно, но вечером прохладная свежесть с гор заставляет даже самых закалённых путешественников напяливать на себя, как говаривали моряки, «весь аттестат».

Дождя нет, поэтому персонажи вынужденного костюмированного бала отличаются от вчерашних. В частности, А. уже не защищается от осадков плащом и зонтиком, но зато надел под куртку меховой жилет, существенно расширивший верхнюю часть его тощей фигуры. Не менее живописно выглядит и жена А., откровенно отбросившая

все условности и завернутая поверх обычной одежды аж в два одеяла.

Понятно, что в такой бодрящей атмосфере вечерний костёр, разговоры и разнообразное пение происходят с ещё большим энтузиазмом, по сравнению со вчерашним дождливым днём.

Поскольку небо очистилось от облаков, с наступлением темноты на нём открываются звёзды в двойных размерах и количестве, нежели на равнине.

А. с превеликим удовольствием прицеливается к ним с воображаемым секстаном для определения места, не обращая внимания на то, что горизонт во все стороны закрыт горами, а вместо географических координат проще использовать данные с верстовых столбов на дороге. При этом с грустью обнаруживается, что забыто ещё большее число названий созвездий и отдельных светил, так как приятель А., обычно поддерживающий эти знания на прогулках в Академгородке, уже давно удрал вслед за детьми в

Америку и теперь смотрит там на совсем другое небо, наверное, в компании с каким-нибудь негром.

Утром, с восходом солнца, воздух постепенно прогревается. Путешественники снова принимают почти летний вид, и без сожаления расстаются с прохладной стоянкой. Впереди второй перевал – Чина-Тайан. Он более красив, чем Семинский: повсюду заасфальтированная дорога петляет между скалами, а затем снова выходит на берег Катунь. Очередную стоянку мы присмотрели ещё во время предыдущих путешествий на речке Большой Яломан, которая несёт свои воды к месту соединения Коксы и Чуи (наверное, – торопится попасть в компанию старших «сестёр»), отсюда, собственно, и начинается сама Катунь. С учётом имеющегося опыта лагерь разбивается основательно, в том числе, предусмотрен выход на грибные угодья в лесочке вдоль Яломана.

Ещё с утра спутники напоминают А., что наступил день Военно-Морского Флота.

Сам виновник торжества понимает, что окружающим людям для разнообразия нужно иногда отвлечься от высоких проблем научной жизни, и терпеливо переносит очередные напоминания о своём прошлом состоянии, которые обычно начинаются словами «наверное, у вас на Флоте...»

Дальше происходит «раздвоение личности».

Вслух А. произносит обычные слова, которые должны максимально способствовать возвышению и популярности любимого вида вооружённых сил.

Но про себя, внутри, он знает, что эти слова будут забыты собеседниками через несколько микросекунд после произнесения. Конечно, самому ему помнятся и многочисленные шеренги подводников в белых форменках и кителях на узкой палубе корабля под флагами расцвечивания в праздничные дни. Но так бывало только один или два дня в году.

В остальное время товарищи А. по морской службе не всегда имели уставной вид:

то они боролись с ледяным сырым ветром на мостике, то работали в закутках трюма или просто в тесных отсеках, защищаясь, как можно, от холода или душной субтропической жары.

И если бы заинтересованно беседующие со мной дамы увидели такого героя в одноразовых подштанниках (с незастёгивающейся ширинкой) и огромных яловых ботинках, постоянно удаляющего с себя потоки пота непосредственно не предназначенной для этого одноразовой же рубашкой, не уверен, что некоторые из них не попадали в обморок (в соответствующей атмосфере, конечно).

А. знает, что рассказывать о всех этих (в его глазах, — возвышающих морскую службу) подробностях не следует, он уже проверил этот тезис на опыте своих мемуарных творений. Но всё равно, «параллельно» с ходом благопристойных бесед всегда вспоминает именно бытовую, повседневную

сторону службы и тот здоровый, весёлый настрой её восприятия молодыми моряками.

Он снова воображает себя долговязым парнем в меховой куртке и штанах или в рабочем кителе, совершенно естественно воспринимающим всех окружающих моряков разного возраста и звания и своё положение штурмана, старпома и командира лодки, не догадываясь, что вся атмосфера товарищества — самое большое счастье в его жизни, которое не перестанет питать живительными соками всё будущее существование и через двадцать, и через сорок лет после окончания службы.

И получится так, что расставшись с морской формой, он, по существу, окажется мало пригодным к какому-то другому, не морскому, делу, и будет постоянно мучиться чувством неоплаченного долга, сам объект которого совершенно недоступен для публичного объяснения.

Тем временем окружающие события нынешнего времени идут своей чередой.

Охотники приносят из леса грибов, среди них есть и боровые белые с крепкими пятнистыми ножками. Д. пытается вслед за невестой откуда взявшимся рыболовом извлечь хариусов из Яломана, но кроме радостных сообщений о склёванных кузнечиках у него ничего не получается. Однако праздничный стол и без рыбных дополнений ломится от еды. Вдобавок жена А. выставляет на него припасённую для этого случая бутылку «доперестроечного» надёжного коньяка.

Тщательно отмытый в Яломане А. восседает на почётном месте, окружённый всеобщей заботой и вниманием милых людей. Произносить тосты он не умеет и выпивает свою порцию «за Флот», просто сопровождая её довольным урчанием.

Внутри, конечно, тост произнесён за тех, кто остался *там* и не может участвовать в нынешнем празднике. Заметных количеств спиртного А. давно не принимает, среди прочего, горячительная жидкость расширяет ему сосуды, и ни о каком внутреннем шуме можно не вспоминать.

В ходе разговоров А. приходится ещё раз пояснять окружающим, что вестовых и адъютанта у него никогда не было, и сообщать разные цифровые данные о наших и американских лодках. За время жизни среди «гражданских» А. уже поднаторел в таких интервью и знаком с глубиной интереса к своим ответам, количественная оценка приведена несколько выше в тексте этого рассказа.

Тем не менее, «внутри» тема адъютантов и вестовых имеет своё продолжение.

Ближе всего к определению вестового подходит оповеститель по тревоге – гидроакустик с «малыша» Федя Дудко. А. уже описывал этого моряка в своих воспоминаниях. Теперь, спустя чуть ли не сорок лет, А. старается припомнить, не выставил ли он по молодости или недомыслию себя «баринном» в отношении к подчинённому. Детали прошлых событий уже изрядно стёрлись в памяти А., и он всё не решается поставить самому себе удовлетворительную оценку морального поведения.

Постепенно от моряков срочной службы мысли А. переключаются на товарищей офицеров. За время службы командиром подводных лодок у него было два любимых помощника. Один из них жив и поныне и давно «обошёл» самого А. по всем статьям: командовал атомоходами, стал профессором, доктором наук и так далее. Но упрямый А., вопреки всем этим фактам (хотя он искренне гордится ими), мысленно продолжает относиться к бывшему старпому как старший к младшему, и в который раз пытается разобраться с этим феноменом «замораживания» морального времени. Философ из него никакой, и поэтому он просто даёт себе слово постороже следить за деталями своей переписки с товарищем, чтобы загадочная несуразица, не дай Бог, проявилась внешне.

А «большие» газетные мысли о возвышенном смысле военной службы в советские времена всё меньше и меньше занимают приземлённо мыслящего А.

У него осталось только чувство неимоверно долгого перетягивания невидимого каната с американцами. Хотя он ни разу не видел ни одного военного корабля империалистического супостата и наблюдал только нахально летающие вплотную у наших берегов патрульные самолёты «Нептун» да ещё сигналы их радиолокаторов по всей акватории Японского моря.

Но и этого было достаточно для ощущения тревоги за свою страну и оправдания любых «расходов» на ответ явным угрозам. В отличие от многого другого, что претерпевает мучительные перемены в конце века, это ясное моральное представление не меняется и не подлежит «в душе» А. никакому пересмотру или изменению.

Невидимая извне работа, наваянная календарной датой, утомляет А., и он решает включить в расписание праздника послеобеденный сон на резиновом матрасе под открытым алтайским небом.

Наверное, непривычные спиртные пары тоже имеют отношение к этим намерениям. Так или иначе, через некоторое время окружающие могут наблюдать нескладную фигуру спящего долговязого человека, непонятно зачем покинувшего свою квартиру с удобным лежаком и вынужденного восстанавливать силы, валяясь на земле за тридевять земель от дома...

Хотя путешествие наше не закончилось памятным праздничным днём, и в нём было множество других событий, писать мне о них больше не хочется. Я вообще не люблю возвращаться откуда то ни было по той же

дороге, которая вела к неизведанным или хорошо забытым местам и событиям. Что-то в таком обратном движении и зеркальном повторе впечатлений не приемлет моё внутреннее устройство. Конечно, в жизненных обстоятельствах не раз приходится быть челноком, шмыгающим по одному и тому же месту. Но здесь, в построении сюжета рассказа, мы вольны оставить своих персонажей и происходящие с ними события в любой героической точке места и времени.

Например, на берегу весело шумящей речки Большой Яломан, о существовании которой и не догадывается подавляющая часть человечества.

*© Владимир Вениаминович Брыскин.
Издание автора. Новосибирск. 1997
E-mail: vvbrys@mail.ru
<http://www.math.nsc.ru/LBRT/k5/brys.html>*